

1910 г.

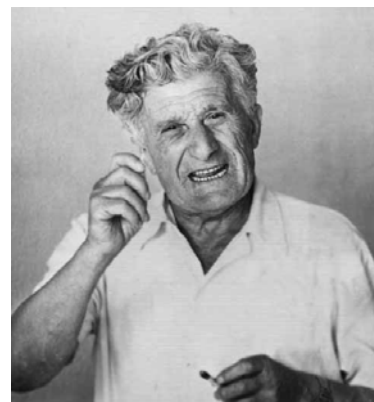
1930 г.

1938 г. Автопортрет.

1953 г.

1970-е гг.

1996 г.

Дмитрий Харакоз

– от имени Ирины Амзараковой, Веры Харакоз и своего имени

Пётр Иванович Харакоз: биография в рисунках и фотографиях

На вопрос, зачем пишут биографии, нет простого ответа. Потому что нет прямой пользы от того, чтобы знать чью-то жизнь. Просто есть врождённая человеческая функция такая – коммуникация: один охотно выкладывает, что знает, другой охотно слушает, если интересно. Что-то кому-то западёт в душу, случайно соединяясь с собственными впечатлениями – и из соединения вдруг что и выйдет ценного. И другая есть функция – чистое любопытство. Любопытно, какие причины стояли за известными следствиями. Не для того, чтобы предвидеть будущее – всякий знает, что прогнозы не сбываются на самом деле. А вот прошлое поизучать, что из чего произошло – это иногда доступно. В прошлом всегда есть манящая тайна. Например, любопытно, какие гены нами управляют.

На странице – серия портретов отца, среди них автопортрет. И наш рассказ это тоже в значительной мере *его автопортрет*, потому что здесь почти не будет повествования о наших детских впечатлениях – более интересно то, что мы знаем из его рассказов.

Родной дом в селе Сартана под Мариуполем (между 2-м и 3-м кварталом, близ церкви). (Цв. карандаш)

Начнем с рисунка, который он сделал по памяти. Его родной дом в греческом селе Сартана под Мариуполем, в нескольких километрах от берега Азовского моря. Эти греки были переселены Екатериной Второй из Крыма после победы в русско-турецкой войне. Одним из политических мотивов этой акции была необходимость заселить пустующие южно-украинские земли. Переселенцев объединяло христианское вероисповедание, но говорили они на двух разных языках. Были сёла, называемые греко-татарскими, в них говорили на татарском языке. И были сёла, и в их числе Сартана, называемые греко-эллиническими. В них говорили на языке по своей грамматической основе греческом (румейском), а лексика содержала значительную долю тюркских корней. Это были поселения свободных землепашцев и скотоводов. Так на территории Приазовья сложилось соседство свободных и крепостных сёл. Интересный социально-экономический момент. Когда после отмены крепостного права прошло почти столетие, и наше крестьянство уже находилось в колхозной неволе, и на тех землях рядом жили и трудились колхозы греческие и колхозы сёл бывших крепостных, – то греческие были богаче. На той же самой земле. Потому что – иное отношение к труду. Необходимы многие поколения людей свободного труда, чтобы сложилось такое отношение.

В таком греко-эллиническом селе жили родители Петра Харакоза. Соединились линии его матери, Зои Дмитриевны Церахтó, и отца, Ивана Георгиевича (Юрьевича) Харакоза.

Мать, Зоя Дмитриевна Харакоз (урожд. Церахто́),
семнадцати лет. 1904 год

Отец, Иван Георгиевич (Юрьевич) Харакоз на службе в
армии. 1915 год

Линия матери – это гены особого темперамента. Вот, например, эпизод, повторившийся в доме не один раз. Бабка Феодора считалась не очень хорошей хозяйкой в доме, и дед Дмитрий бывало, поколачивал её. Она уходила в город и там, женщина набожная,

Бабка Феодора Ивановна Церахто́ (урожденная Ёры) с внуком Петром. 1911 или 12 г.

находила приют у подруг-монашенок. Крепился дед дня два-три, потом снаряжал тачанку и ехал за ней, падал в ноги. Потому что без неё не мог. Сам Дмитрий был крепкий хозяин и умный человек, был среди сельчан авторитетен. Хорошо знал русский язык, потому что отслужил несколько лет в царской армии. Это было в первые годы после военной реформы, когда армия перешла от рекрутчины к срочной службе. Человек высокого роста, статный, он был взят в кавалерию Гвардейского Преображенского полка. Лошадей любил, и управляться с ними умел не только как земледелец. Вот эпизод, в начале гражданской войны. По селу идут красные, и дед, посмеиваясь, показывает внуку на неловкого красноармейца в седле: «Сидит на лошади, как собака на заборе. Недалеко уедет». В 1919-м году умерла бабка Феодора, и дед Дмитрий лишь две недели без неё протянул, пошел вослед.

Ещё один пример церахтинского типа – это Фёдор Николаевич Церахто, двоюродный брат нашей бабки Зои. В гражданскую воевал за красных, воевал за белых, разбойничал. Девятнадцать лет от роду, только дерись. У него и потом буйная жизнь была. Жену себе выкрал из монастыря, со всеми атрибутами романтического разбоя. В пору гонений на греков скрывался под грузинской фамилией Церахтадзе. Из-за этого пришлось забраться в сибирскую глухомань, чтобы не нарваться на какого-нибудь грузина, который тут же уличил бы в незнании языка. Там стал мастером сыроделия, случайно, по авантюристичности характера. Требовался мастер в цех, чтобы наладить дело. А он видел в детстве, как взрослые делали сыр, и назвался специалистом, и стал специалистом, и на всю жизнь. Большую часть жизни провёл в Средней Азии.

И вот эпизод, достойный горделивого рассказа. Деду Фёдору уже за восемьдесят. Получаю от него письмо, что едет из Средней Азии на родину через Москву, жди, мол, приеду. Он не раз проездом гостил у меня. А тут – нет и нет его. Месяца через полтора получаю письмо из Мариуполя: до Москвы не доехал, сняли на станции такой-то. За драку. В вагоне-ресторане мужик под хмельком приставал к женщине, и дед сказал воспитательное слово. Тот поднялся и пошёл на старика с угрозой. Дед рассердился – ему угрозы терпеть непривычно – и обидчик загремел под стол. Темперамент.

Другая линия, хараковская. Бабка Петра по отцовской линии Мария – женщина особых качеств. Овдовела в возрасте около тридцати лет. С пятью детьми вышла замуж за Гургора, он отчим нашего деда. Подняла и вывела в люди пятерых своих и троих его детей. Это означает среди прочего, что она, сама неграмотная, некоторым образованием дала, в том числе нашему деду Ивану Георгиевичу. Образование в сельской церковно-приходской школе дед получил такое, что потом всю жизнь писал без ошибок и был прекрасным каллиграфом. Поэтому когда он в первую мировую попал в действующую армию, то служил писарем при штабе в Трапезунде.

В 1921-м году Иван Георгиевич организовал в Саргане первый колхоз из трех семей, с полным обобществлением земли и орудий труда. Это было настоящее добровольное коллективное хозяйство, а

Бабка Мария и дед Гургор с его внуками. Около 1910 г.

Петя и брат Жора. 1915 или 16 г.

не рабство времён тотальной коллективизации. Колхозу не повезло, развалился под ударом страшного голода 1922-го года, когда в борьбе за выживание трещали даже родственные узы. Позже был несколько лет во власти (кажется, председателем райисполкома), не оставляя крестьянского хозяйства. Когда почувствовал, что успешный труд крестьянина-середняка становится жизненно опасным, оставил село и ушёл с семьей в город, и потом всю жизнь служил бухгалтером в Мариуполе, в Подмосковье, в Киргизии, на Донбассе.

На фотографии 1915 года двое из троих его сыновей. Старший, Пётр, держит в руках книжку. Тоже особая примета времени и места. С заёмной книжкой в студии охотно фотографировались и неграмотные сельчане, для форсу, потому что грамота в почете. В семье знание русского языка считалось обязательным. Для нашего отца русский был вторым языком, и это сыграло роль в его последующей деятельности. Создать хорошую методику преподавания русского языка в нерусской школе он, по его собственной оценке, сумел потому, что с детства довелось столкнуться с трудностями его освоения. Рассказывал курьёзный случай, когда в восемнадцатом году он, неполных двенадцати лет, подавал заявление о приёме в высшеначальное училище, в которое была преобразована школа, и написал: высшенОчальное. Вспоминает: «Папа мне говорит, надо «а» писать, а я не согласился. Так и осталось нОчальное».